

БИБЛИОТЕКА — СОКРОВИЩНИЦА ХАСИДОВ — ЛЮБАВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ ПРАВЕДНОЙ РЕБЕЦН ХАНЫ,

ДА УПОКОИТСЯ ОНА С МИРОМ,
СУПРУГИ ПРАВЕДНОГО РАВВИНА, ГАОНА И ХАСИДА, КАББАЛИСТА,
НАШЕГО УЧИТЕЛЯ

РАББИ ЛЕВИ-ИЦХОКА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА

МАТЕРИ СВЯТОГО РЕБЕ,
НАШЕГО ГОСПОДИНА И УЧИТЕЛЯ
РАББИ МЕНАХЕМА-МЕНДЛА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА,

ШНЕЕРСОНА
ИЗ ЛЮБАВИЧА

Выходит в свет в
“ОЙЦАР Г’А-ХАСИДИМ”

770 ИСТЕРН ПАРКВЭЙ

Бруклин, Н.-Й.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

MEMOIRS

OF

REBBETZIN CHANA SCHNEERSON

INSTALLMENT 5

Published and Copyrighted © 2011

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Отпечатано в России
Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вашему вниманию пятый выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹.

И да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар Ѓа-хасидим»
11 мархешвана
5772 года
Бруклин, Нью-Йорк

---

¹ Перевод с идиша Цви-Ѓирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН ХАНЫ ШНЕЕРСОН

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедадьи, 5708 года (17.09.47 г.)²

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

* * *

---

2   Дата написания записок, указанная самой ребецн.

Исру хаг Песах³ [5708 года]⁴

РАССТАВАНИЕ В ХАРЬКОВЕ

Мне хотелось рассказать о событиях того времени как можно подробнее, насколько позволит память. Но прошло уже восемь лет, и за это время мне столько всего пришлось пережить, что какие-то события, кажется, начали забываться...

* * *

Снаружи харьковская тюрьма производила не столь мрачное впечатление, как днепропетровская. Она была чище и немного даже напоминала обычный жилой дом, так что казалось, будто тем, кто находится внутри, не настолько уж и плохо. Но это было не так — внутри царили те же порядки, что и в любой другой советской тюрьме.

Когда наконец состоялось мое свидание с мужем, он, сопровождаемый надзирателем, стоял по одну сторону решетки, а я по другую — как и в Днепропетровске. Со времени нашей прошлой встречи его вид сильно изменился к худшему. Конечно, он очень обрадовался моему приходу, но нам не удалось толком поделиться тем, что волновало обоих. Говорить, как и в Днепропетровске, нам почти не давали. Но я успела выяснить, что мужу пока неизвестно, когда их отправят дальше.

Когда мы расставались, он начал плакать, хотя и старался сдерживать себя. Я помню, что муж был тогда в меховой шапке-ушанке (непривычный для него головной убор) и вообще выглядел так, словно совершенно пал духом. Больно было видеть его утратившим привычную твердость и внутреннюю силу! К тому же он был крайне изможден постоянным недоеданием.

---

3 День, следующий за праздником.

4 Дата в рукописи указана самой ребецн.

ОТПРАВКА К МЕСТУ ССЫЛКИ

Я надеялась увидеть мужа еще раз во время отправки заключенных, но точное время отъезда выяснить так и не удалось, поэтому я просто бродила перед входом в тюрьму. Когда начало темнеть, я увидела, что из ворот выехал грузовик с приделанной к высокому кузову лесенкой для пассажиров. В кузове помещались дощатые скамьи, на которых сидели люди в одинаковых одеждах — таких же, какая была у моего мужа на последнем свидании. Некоторые были закутаны в одеяла. Среди вывозимых заключенных я заметила и несколько женщин. Мне показалось, что мужа в кузове нет, хотя полной уверенности в этом не было: заключенные сидели, низко наклонив головы, чтобы нельзя было рассмотреть их лиц (позднее муж рассказал мне, что его отвезли на вокзал именно в этой машине). Отъехав от тюрьмы, грузовик остановился практически в чистом поле, возле железнодорожной ветки, где уже ждали вагоны. Заключенных пересаживали в них, и вскоре состав тронулся, — так начался этап. Я следила за поездом, пока он не скрылся из виду, провожая взглядом несчастных людей.

(Поездка продолжалась целый месяц, и в течение одиннадцати дней у них совершенно не было воды! Впоследствии муж с болью рассказывал мне, как тяжело ему было обходиться без воды. Не из-за питья — из-за *негл-васер*⁵! Эти воспоминания не оставляли его. Я спросила, как же он утолял жажду, и была поражена, когда муж пожал плечами и сказал, что давал одному из конвоиров что-то из еды, которую я собрала ему в дорогу, а тот в обмен наливал стакан воды. Те капли, которые оставались после *негл-васер*, муж выпивал. «Ты не можешь представить себе, — говорил он, — какой замечательный вкус для меня имела та вода!»)

Пока я ждала отправки заключенных, совсем стемнело, и я пошла на квартиру, где остановилась. Мне хотелось провести в Харькове еще день и попытаться выяснить хоть что-нибудь о дальнейшей судьбе мужа, но долее находиться

---

5 Ритуальное омовение рук при пробуждении.

в доме [Гирша Рабиновича] я не могла — если бы стало известно о моем пребывании здесь, это могло привести к большой беде. Так что я решила идти на вокзал и вернуться в Днепропетровск.

По расписанию поезд должен был отправляться в 10 часов вечера, но ушел только в четыре утра. Вокзал не отапливался, места присесть не было. Множество людей ожидало своих поездов, и так как из-за мороза долго находиться под открытым небом было невозможно, все они набились в здание вокзала. С большим трудом удалось найти место в уголке, где я просидела всю ночь на маленькой подушечке, которая по счастью у меня с собой оказалась.

Рабинович проводил меня на вокзал и не уходил до четырех часов — пока я, наконец, не поднялась в вагон. Это, кстати, тоже оказалось делом непростым. Рабиновичу пришлось практически вталкивать меня вовнутрь, своих сил мне бы не хватило. Я и по сей день признательна ему за бесценную помощь, которую он сумел оказать мне в тех условиях.

Путешествие тоже было нелегким, но к следующему вечеру я добралась домой, удовлетворенная тем, что сумела сделать все, что было в моих силах. Теперь мне оставалось только одно — ждать новостей.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЧИИЛИ

Несколько недель спустя по почте пришла открытка без штемпеля, из которой я узнала, что муж мой жив и все еще в пути. Непонятно было только, откуда именно отправлена открытка.

Прошло еще больше двух недель, и в час ночи кто-то постучал в нашу дверь (звонка у нас не было уже давно). Это принесли телеграмму, в которой муж сообщал, что наконец-то добрался до места, где ему предстояло отбывать ссылку. Обычно по ночам почту не носили, но сотрудники увидели, что в телеграмме содержатся новости о судьбе раввина, которой все интересовались, и одна еврейская девушка, работавшая там, вызвалась принести телеграмму, не откладывая

до утра. Мы принялись изучать ее, чтобы определить место отправления, а затем начали выяснять, где же находится тот населенный пункт, в котором оказался мой муж.

ТАЛЕС И ТФИЛИН – ПОСЛЕ ГОДИЧНОГО ПЕРЕРЫВА

Сначала ссыльных доставили в столицу Казахстана, Алма-Ату⁶, где этап разделили на несколько групп, каждую из которых отправили в свое место. Это произошло на Ту би-шват, 15 швата [5700 года]⁷. Позже муж рассказал мне, какую радость вызвало у людей ощущение пусть относительной, но все-таки свободы: можно было ходить без конвоя, ездить в трамвае, куда и когда захочется. После испытаний, обрушившихся на него в прошедшие тяжелые и страшные одиннадцать месяцев, это было совершенно непередаваемое ощущение. Ему очень хотелось разделить его с кем-нибудь, но он был в полном одиночестве среди чужих людей, большинство из которых составляли казахи, совершенно не похожие на людей, окружавших мужа ранее. Ему не с кем было делиться своими чувствами и приходилось довольствоваться собственными размышлениями.

Из Алма-Аты группы ссыльных отправлялись в разные области Казахстана. Муж попал в Кызыл-Ординскую область. Всем хотелось остаться в самой Кызыл-Орде — это был хоть какой-то, но все-таки город. У мужа, кроме общего для всех желания жить при наличии хоть каких-то бытовых удобств, была еще одна причина надеяться, что ему позволят остаться там: в городе скорее могли бы найтись евреи. Но в Кызыл-Орде никого из ссыльных не оставили, за исключением одного бывшего полковника, который был в их группе. Его поселили в городе, неподалеку от железнодорожной станции. Он,

---

6 См. записки, указанные в примечании 7 (в 1-м выпуске).

7 25 января 1940 года по нееврейскому календарю. Интересно, что ровно через 20 лет, 15 швата 5720 года, Ребе впервые упомянул о трудах своего отца, написанных в ссылке («Торас Менахем — Гитваадуийс» 5720, часть 1, стр. 365 и далее).

естественно, был весьма рад, что ему не придется ехать в какой-нибудь захолустный кишлак.

Остальные ссыльные провели в Кзыл-Орде одну ночь, лишённые возможности кого-нибудь повидать, а наутро их отправили дальше. Два человека — мой муж и еще один ссыльный-еврей — попали в поселок Чиили, в четырех часах езды от областного центра.

4 июня [26 ияра 5708 года]⁸

Поздно ночью мой муж и его спутник добрались до Чиили. Когда их высадили из машины, вокруг стояла такая темень, что невозможно разглядеть ни дорог, ни домов. Было очень холодно. По-казахски они не знали ни слова, но каким-то образом им удалось расспросить местных жителей на русском и выяснить, где живет единственный еврей в Чиили. С большим трудом они отыскали дорогу к его дому. Этот еврей был портной, в прошлом тоже ссыльный. В Чиили он женился на нееврейской женщине, а когда срок ссылки истек, остался здесь жить.

Увидев двух ссыльных, вид которых после такого тяжелого путешествия оставлял желать лучшего, портной не захотел иметь с ними никаких дел. Несмотря на все просьбы, он отказался впустить их в дом, и мужу и его спутнику пришлось, собрав остаток сил, продолжить поиски ночлега.

Земля в том месте была настолько заболоченная, что не промерзала, несмотря на сильные холода. Как впоследствии рассказывал мне муж, им стоило большого труда вытягивать ноги из грязи с каждым шагом.

Увидев огонек в окне одного из домов, они пошли в ту сторону. Впрочем, трудно было назвать это строение «домом». Как и все в тех местах, он был выстроен из глины, которая большую часть времени оставалась влажной. Пола

---

8 См. записки, указанные в примечании 7 (в 1-м выпуске): «Меня приговорили к ссылке в поселок Чиили. Это слово, если записать его на иврите, связано со словом *цель* («тьень»), и имеет то же числовое значение, что и словосочетание *цель Э-ль* («тьень Всевышнего»)».

в доме тоже не было — только земля, вымазанная той же глиной.

Супруги-нееврей, жившие там, сжалились над ссыльными и впустили их в дом, постелив в кухне на полу у двери одеяло. На нем и улеглись мой муж и его спутник, не раздеваясь и укрывшись своими пальто. Они не особо защищали от холода и сырости, которыми тянуло с земляного пола. Было очень сложно заснуть в таких условиях, немного помогли стаканы с кипятком, предложенные хозяевами. Чуть-чуть согрешись, ссыльные смогли поспать.

Вскоре начало светать. Нужно было вставать и заниматься обустройством на новом месте. Рассмотрев гостей при свете дня, хозяева дома, где они провели ночь, предложили моему мужу, да покоится он в мире, оставаться у них. Однако второго человека они не могли принять ни при каких условиях. Конечно, муж чувствовал себя не очень удобно оттого, что вопрос проживания решился только для него одного, но вынужден был согласиться. Его поместили там же, в кухне, где хозяева дома и двое их детей ели свою еду. Через кухню же они проходили, входя в дом и выходя из него.

Несмотря на все эти неудобства, у мужа, по крайней мере, теперь была крыша над головой и — почтовый адрес. Он тут же отправил телеграмму, чтобы в первую очередь я послала ему *талес* и *тфилин*, а также немного еды. После долгих разбирательств на почте я смогла выяснить, что нужно сделать, чтобы отправить посылку по указанному адресу, и послала мужу то, что он просил. *Талес* и *тфилин* дошли до него за три недели, а вот посылка с едой прибыла в пути семь недель.

В первый раз после почти годичного перерыва муж облачился на молитву как подобает еврею. Позже он рассказывал мне, что удовольствие, которое он при этом испытал, невозможно забыть.

לזכות

מר דוד וזוגתו מרת שרה עלקא שיחיו

ולזכות בניהם ובנותיהם

דניאל, נתן, רחל עטל, מרים מאניא ויוסף יעקב

שיחיו לאריכות ימים ושנים טובות

אמינוב

נדפס בהערכה רבה

על ידי שלוחי הרבי למוסקבה

Давиду (Вадиму) Аминову и его семье:

супруге Саре-Эльке (Стелле),

детям Даниэлю, Натану, Рахель-Этель, Мирьям-Мане

и Йосефу-Якову —

с чувством сердечной признательности

Посланники Ребе в Москве